Люди, которые играют в куклы. Куклы, в которые играют люди

Некоторое время назад по российским газетам пронеслась стая публикаций про то, как челябинские чиновники запечатлели себя в… олове. «Губернатор Петр Сумин и его заместители обрели кукольных двойников» – сообщал «Челябинский рабочий». «Из губернатора сделали Кутузова» – возмущался «Московский комсомолец». «Стойкий оловянный чиновник» – то ли льстила, то ли язвила «Экспресс-газета».

Чем же вызван переполох? Ответ нахожу в книжке Натальи Денисовой «PRопаганда имиджа региона». Оказывается, в год празднования 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года пиарщики областной администрации решили «перепозиционировать» имидж высших чиновников «без использования прямой пропаганды и навязчивой рекламы». И разработали проект под названием «Петровский полк: трансисторическая бренд-идентификация губернатора Челябинской области с героями Отечественной войны 1812 года». Прототипами были выбраны офицеры и солдаты Преображенского полка времен Отечественной войны 1812 года. Почему полк Петровский – понятно…

Как относиться к этому явлению, в частности и к «кукольному буму», который, по мнению все той же прессы, захлестнул политико-административный истеблишмент, в целом? Что это – модное, чуждое российской культурной традиции поветрие или своеобразный контрвызов официозному монументализму: миниатюризация образов и символов против глобализации и гигантомании?

Об этом мы беседуем с Ольгой ЛАХИНОЙ – философом по образованию, бизнес-леди по роду практической деятельности, одной из соучредительниц Международного салона арт-кукол в Москве, основательницей Международной выставки «Время кукол» в Санкт-Петербурге, главным редактором журнала «Кукольный мастер».

– Ольга Павловна, пять лет назад в Москве открылся первый международный салон кукол, два года назад – выставка «Время кукол» в Санкт-Петербурге. Сегодня это самые крупные и авторитетные выставки авторских художественных кукол в мире. Но этого престижа у России могло и не быть, если бы не Ваши старания…

– Лестно, но не совсем так. Действительно, в 2003 году москвичка Лана Лета организовала Салон и пригласила меня и Светлану Пчельникову выступить партнерами. Но это было определенное упорядочение, организационное завершение разнообразной творческой, выставочной, информационно-презентационной работы, которая в художественном мире кукол, в общем-то, никогда и не прекращалась.

Россия – единственная страна, где кукольное искусство стало зарождаться и развиваться среди профессиональных художников. У нас вся первая двадцатка мастеров – профессиональные художники, закончившие Суриковское, Мухинское училища, – ювелиры, декораторы, дизайнеры, архитекторы – люди с профессиональным академическим образованием. Занявшись куклой, они сразу взяли очень высокую планку, стали создавать работы высокого технологического качества.

– Простите, как-то не связываются традиционные представления о кукле – пупс, матрешка, солдатик, Петрушка, Буратино, Барби… – с тем, что Вы сейчас говорите. Что же такое – кукла?

– Вот-вот, с этого уточнения обычно начинаются все интервью. Кукла очень часто воспринимается как что-то такое слащавое, сусальное, с рюшечками, красивое стандартной кукольной красотой. Это результат бытового, упрощенного отражения в кукле наших эмоций. Но художник, который работает в этом жанре, особенно в жанре арт-куклы, отражает в своем произведении весь спектр эмоций, состояний и проблем, которые беспокоят его и общество: печаль, страх, отчаяние. Например, в Лувре выставлена потрясающая кукла Лизы Лихтенфельс «Ангел, ведущий учет» – вглядитесь в его лицо, и вы проникнитесь вселенской скорбью о человечестве...

Сложно однозначно сказать, что же такое – кукла, потому что у каждого человека свое отношение к этому предмету, заметим, любимому и дорогому. Но строгое определение, конечно же, есть. Оно долго и тонко вырабатывалось профессионалами, и звучит так: кукла – это объемное отображение живого существа, наделенного человеческими признаками, выполненного в отработанных художественных технологиях. Производное отсюда «арт-кукла» – современное пластическое искусство, в котором кукла волей художника становится полноценным художественным объектом. В авторской кукле мы сейчас, без юмора, впереди планеты всей. Это колоссальный культурный, социальный потенциал страны.

– И политический? Как Вы считаете, эти две сферы духовной деятельности связаны между собой?

– Политики, государственные или общественные деятели – это очень неординарные личности. Безусловно, художника такие яркие персонажи всегда привлекают. Они с большой увлеченностью делают портретные или иносказательные куклы, отсылающие нас к образу того или иного политика. Например, Владимир Рычкаль делает портретные куклы в неких литературных образах. Допустим, Роман Абрамович воплощен в Остапе Бендере. Юрий Лужков – в образе дворника – но в кепке! – который наводит порядок в Москве. Варвара Скрипкина из Петербурга выпустила сезонную серию кукол – портретов Путина. Зимой Владимир Владимирович в шапке-ушанке и с лыжами. Весной он с лопатой и с граблями. Летом – на рыбалке с удочкой, осенью – за грибами идет...

Так как это все-таки куклы художественные, они задуманы как арт-объекты, а не как сувениры. Они лишены сарказма, иронии, которые присутствуют в разного рода пиаровской продукции, которую используют на выборах или в каких-то массовых политических акциях. Ведь кукла – это мостик между носителем власти и простым человеком, самый короткий путь к восприятию и пониманию ими друг друга.

Известный модельер Жан-Жак де Кастельбажак как-то сказал: невозможно проявить агрессию к человеку, у которого в руках мишка. Если когда-то человека защищал щит, то в XXI веке его защита – плюшевый медвежонок. Создавая свою куклу, политик или музыкант подсознательно обеспечивают себе легитимность: невозможно не любить персонаж в политике, чей образ воплощен в кукле, которой играет твой ребенок. Если человек приобрел матрешку с портретом губернатора, мэра, и эта матрешка стоит дома, то наверное трудно испытывать агрессию или какие-то отрицательные эмоции по отношению к этим руководителям.

– А как объяснить нашумевшую историю с судебным иском французского президента Николя Саркози к производителям кукол с его лицом, предназначенных для магических манипуляций типа заклятий колдунов вуду?

– Случай с Саркози указывает на другую параллель – использование кукол в обрядовых ритуалах с мистическими целями. Не только в африканской культуре – в русской традиции это тоже было. В наших деревнях, в детстве наших бабушек и прабабушек, у самодельных кукол лица не было. Считалось, как только ей нарисуешь глаза, в этот же момент в нее вселяется душа. И через нее можно послать своему другу или недругу либо хорошее пожелание, либо проклятье. Это поверье или предрассудок существует веками, закрепилось где-то там, в генетической памяти человека, и не поддается рационализации даже в критических умах – иначе с чего президент (!) Франции обратился в суд за защитой?

Не знаю, насколько это все серьезно... Можно же с юмором к этому относиться, как, например, в Японии относятся к Макиваре – образу шефа, начальника, который подчиненные могут пнуть, ударить, воткнуть в него что-то, и т.д. для выброса отрицательных эмоций на материальный объект, на этот образ. Может быть, так же и с куклами политиков надо поступать?

– Но при этом надо соблюдать правила техники психологического переноса: мы ведь часто в проявлении своих чувств меры не знаем…

– Да, здесь есть проблема культурной нормы. Скажем, японцам, с их выраженным комплексом лидерства, совершенно непозволительно непочтительное отношение к реальному человеку, но общественно дозволяется выразить свои негативные эмоции один на один с муляжом, в закрытой комнате. То есть сам процесс переноса регулируется легко культурной, этической традицией. Мне кажется, что расстояние между реальным и нереальным в виде куклы у нашего народа более глубокое, архетипически эмоциональное. Сначала мы чучело

Зимы жгли на Масленицу, потом стали жечь фигуры белых генералов...

– Вы думаете, с арт-куклой, если с ней ассоциируется образ реального политика, так не поступят?

– Уверена! Например, есть одна известная портретная кукла – Никиты Хрущева, которая у любого человека вызывает, мягко говоря, неоднозначные эмоции. Но, выставленная в серьезной экспозиции, она имеет художественную ценность. Даже тот посетитель, который совершенно далек от искусства, чувствует, что это не та вещь, в которую можно пальцем ткнуть или усы подрисовать. Аура произведения искусства поднимает его на другую ступень восприятия и поведения. У нас на выставках случаев, когда кто-нибудь оскорбил куклу-политика действием, не было. Всегда ощущается граница между куклой, сделанной на потребу, и авторским художественным экземпляром.

– Ольга Павловна, расскажите о кукольных выставках: похоже, что это мероприятие вовсе не для детей?

– И для детей тоже! Мы проводим раз в году Международный салон кукол в Москве, куда приезжают лучшие художники со всего мира. Вторая крупная выставка – кукол и мишек «Время кукол» в Санкт-Петербурге. В 2008 году прошла вторая международная выставка. И это, собственно самые первые шаги наши в северной столице, где до прошлого года таких мероприятий не было вообще, при том, что существовала и существует очень сильная питерская школа.

Все выставки имеют концепцию проектов. У нас участвуют, допустим, 80 экспонентов, но это не единичные художники, а, как правило, творческие объединения, организации, художественные союзы, галереи. Мы стараемся дополнять куклы некоей продуманной экспозицией, поэтому все участники делают серьезное оформление своих стендов. По существу, наши выставки – это серия самостоятельных мини-выставок. Когда несколько десятков проектов, сотни художников и галерей встречаются на одной площадке – происходит колоссальная подвижка в развитии.

У нас есть награды: приз «Мегазвезда» – это для художника, чье имя известно практически на всех континентах, во всех странах, где так или иначе представлены куклы. Есть приз «Художник, создающий шедевры». Есть награда «Арт-персона» – для тех, кто, возможно, не создает произведения, но вносит большой вклад в продвижение авторской куклы именно как искусства. Это люди, которые еще 15-20 лет назад первыми открыли в России кукольные галереи, проводят выставки, способствуют развитию этого искусства.

– Концептуальные проекты международного уровня – это должно быть что-то очень интересное и социально значимое. Расскажите об этой стороне выставочной деятельности поподробнее.

– С самого первого года проведения салонов мы участвуем в социальной политике культуры, т.е., у нас ярко представлена благотворительная составляющая. Первым партнером салона была программа по спасению тяжело больных детей «Линия жизни», которая участвует в финансировании хирургических операций по установке кардиостимуляторов. Постоянный участник международный выставок благотворительный проект Светланы Пчельниковой «Парад звездных кукол – детям».

Его идея такова: политики, звезды шоу-бизнеса, артисты, музыканты, знаменитые люди – все те, кого мы называем «звездами», делают свои авторские куклы (на основе стандартных фарфоровых заготовок, с помощью профессиональных художников). Это полноценное профессиональное произведение, срок жизни которого, как и всякой фарфоровой куклы, – 100-150 лет. При этом в каждую куклу ее звездный автор привносит свой любимый образ: артист какую-то свою роль воплощает, политики часто связывают замысел с собственной политической деятельностью. Вот, например, кукла председателя Московской городской думы Владимира Платонова называется «Надежда»: женщина, держащая в руках Конституцию. Или кукла Юрия Лужкова – она тоже несет в своем образе политические знаки. Потом эти произведения участвуют в каких-то художественных проектах.

Несколько раз в году проходят аукционы, вырученные деньги перечисляются разным благотворительным программам, в частности, «Подари жизнь», организованной Чулпан Хаматовой в поддержку детей, страдающих раковыми болезнями. Часто бывает так, что делается кукла какого-то известного персонажа, который живет не в Москве и не в Петербурге. Например, по желанию олимпийской чемпионки по лыжам Галины Кулаковой – она живет в Ижевске – сделали куклу-лыжницу, в костюме Олимпийской сборной СССР. Ее продали с аукциона, а деньги пошли на операцию ребенку, который тоже из Ижевска.

– Есть еще какие-то причины, по которым ваш салон выходит за границы Москвы и Петербурга?

– Да, второй интересный социальный проект, который стартовал в 2007 году на III Международном салоне кукол в Москве, – «Кукла для музея». Он проходит под патронажем клуба коллекционеров кукол России и финансируется этим клубом, потому что достаточно затратный. Первый грант был выделен для Государственного музея-усадьбы Петра Ильича Чайковского в Воткинске. Художники Удмуртии, Екатеринбурга и Перми сделали по произведениям композитора 20 кукол. Экспонатам выделен целый зал. Ежедневно 200-250 человек видят экспозицию. Это колоссальный вклад не только в региональную культуру, но в российскую в целом.

Еще один проект объявил на 2009 год клуб коллекционеров кукол, он посвящен 200-летию Николая Васильевича Гоголя. Персонажей его произведений сделают тоже художники из разных регионов России. Куклы будут переданы Государственному историческому музею в Москве.

– Ольга Павловна, а где можно увидеть ваших кукол кроме Воткинска, Москвы и Петербурга – и то, как я понимаю, в столицах – только во время международных выставок?

– Увы, в России нет национального

музея современной авторской куклы. Есть музей современного искусства, музей акварели, а музейно-образовательного центра авторской куклы нет. Но совершенно ясно, что лучшие произведения, этапные работы самых авторитетных мастеров государство должно выкупать и оставлять в стране. Нужно уже сейчас закладывать основы этого музея. При этом центре должна существовать школа авторской куклы, какие-то детские курсы.

Правда, у нас есть два частных музея антикварной куклы. Один принадлежит супруге Булата Окуджавы, но там какие-то проблемы с собственностью, судебные разбирательства, из-за них он не может работать постоянно. И есть известный всем музей антикварной куклы Юлии Вишневской, на Покровке. Но у современной авторской куклы музея нет.

– А что же частные коллекционеры? Или их в России пока нет?

– Сложно ответить. Скорее все-таки «пока нет», если познавать суть дела в сравнении. Вот смотрите. Одна из крупнейших коллекционеров кукол в мире – американская актриса Деми Мур. У нее для этого построен отдельный особняк, частный музей. И она обладает четырнадцатью-пятнадцатью куклами знаменитой российской художницы – Татьяны Баевой. До поры до времени ситуация складывалась так, что в Америке кукол Баевой было больше, чем в России. А потом появился наш частный коллекционер – Ольга Баклашова, которая целенаправленно покупает именно ее куклы. Мало того, что они ей безумно нравятся, но один из посылов – чтобы эти куклы остались в России. Это наше достояние. Это то, чем мы будем гордиться, показывать детям и иностранцам.

Потом, куклы – это же и объект инвестиций сегодня в полной мере. Все они каталогизируются, систематизируются, и, в общем-то, растут в цене. Для примера скажу: у авторов, которые начинали 10 лет назад, куклы продавались по 600 долларов, а сейчас в среднем эти работы стоят 6-10 тысяч. Поэтому кукол можно рассматривать всерьез как объект инвестирования – так же, как картины, скульптуры, как ювелирные произведения. Куклы продаются на всех серьезных аукционах, и «Sothebys», и «Christies». К слову, в России тоже есть аукционный «Дом кукол», где они выставляются по всем правилам аукционного торга.

– Кто же их приобретает? Опять «новые русские», о художественных вкусах которых точнее всего рассказано в анекдотах?

– Вы удивитесь, но вовсе нет, хотя, конечно, это люди состоятельные. Более 50 процентов коллекционеров – мужчины. Как и свойственно этой части человечества, они подходят к делу очень серьезно, системно. Как правило, приобретают целую коллекцию. Если это собрание кукол «Мастер и Маргарита», то оно покупается все и рассматривается как культурная ценность, а не какая-то дорогая блажь.

По возрасту – это люди примерно от 30 до 50 лет, готовые поддержать новый вид искусства. Конечно, это, в первую очередь, представители бизнеса – те, кто склонны к риску, каким-то новым прорывам, проектам. Они и откликаются на этот вид искусства.

– Ну, государство и тут отстает от бизнеса. А все-таки, чем-то же оно может поучаствовать в «кукольном вопросе»?

– Знаете, у художников-кукольников большая проблема и с искусствоведческими исследованиями. У нас еще нет своих ученых. Пока борьба идет только за то, чтобы искусство признали, а теряется очень большой период времени. Я как-то принимала участие в научных Бартрамовских чтениях в Музее игрушки в Сергиевом Посаде. Там докладчики один за одним сообщали: вот мы при раскопках нашли свистульку такую-то, по изгибу этой свистульки мы определили, что она принадлежит мастеру тому-то... Я тоже высказала свою гипотезу: мы сейчас сами своих кукол закапываем, как эти свистульки, чтобы через сто лет такой же вот ученый, разыскав их в каких-нибудь подвалах и чердаках, пытался по изгибам руки определить, чья это кукла... Осенью мы подавали документы на грант для выпуска энциклопедии современной авторской куклы. Но, к сожалению, не получили. А это очень большая и нужная работа.

– Ольга Павловна, искренне хочу, чтобы это интервью прочитали чиновники от культуры – и столичные, и региональные. А вдруг да вспомнят, что такое любимая кукла. И сделают полезное дело – вон сколько их на очереди! – не ради пиара, а по хозяйскому разумению и доброте душевной. Спасибо Вам за беседу.

Тина Левина